

УДК 140

**ЭВОЛЮЦИЯ ФИЛОСОФСКИХ ДИСКУРСОВ: СЛУЧАЙ
ТАЛЕЙРАНА****В.Ю. Лебедев**

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются два основных взаимосвязанных вопроса: соотношение эволюционирующих философских дискурсов, в частности недискретность изменения их текстуально-жанровых признаков и хронологических границ, на примере французской моралистической философии и философии Просвещения, а также специфика философского мышления Франции XVIII в., отчасти продолжавшегося и в XIX в. Жанровые и содержательные особенности сочетаются в творчестве Ш.-М. де Талейрана, которое традиционно не рассматривается в историко-философском ракурсе. Талейран выступает как типичная фигура «салонной философии» и философско-моралистической афористики при просветительских и постпросветительских содержательных философских установках.

Ключевые слова: *скептицизм, реализм, имморализм, философская моралистика, Просвещение, цинизм.*

Сразу хотелось бы уточнить, о чем мы не собираемся упоминать в данной статье. Мы не склоняемся к популярной моде относить человека к философам только потому, что он «философствовал делом» или результаты его дел столь значительны и масштабны, что могут быть приравнены к философскому синтезу, хотя вполне законная лазейка такого рода у нас имеется: так шокирующие поступки античных киников были не просто «эпатажем античного обывателя», но именно способом философствования, а дальнейшее родство Ш.-М. де Талейрана с кинической школой обеспечено уже за счет его устойчивой характеристики как «циника». Также мы не рассматриваем вопрос о том, насколько Шарль-Морис де Талейран-Перигор может быть сопоставлен с Ницше, Л.Толстым или Кьеркегором – известными нарушителями и реформаторами традиционного философского дискурса. Даже возможность сопоставления историй из жизни Талейрана с историями, например, из биографии Сократа (при том, что достоверность первых заведомо значительно больше, нежели вторых), мы не намерены использовать для анализа проблемы, имплицитированной названием статьи. Талейран – одна из наиболее мифологизированных фигур европейской истории, причем отчасти виной тому он сам с его провоцирующим поведением, отчасти – дефицит литературы: при всех достоинствах прекрасной монографии Е.В. Тарле [11] ею одной ограничиваться все же нельзя, в то время как читающая публика долго именно это и делала. М.Ю. Савельева указывает, что «в сфере науки мифизация восстанавливает магическое отношение к миру вещей» [9, с. 21]. Наконец, нас увели бы от цели именно мемуары Талейрана, для многих являющиеся основным источником, хотя их мифологизаторский характер был заявлен самим автором [10]. Не только оценка, но и фактографическое изложение становятся благоприятнее к Талейрану и его взглядам по мере изменений в историографической методологии (ср.: [2; 6; 7]).

На наш взгляд, проблемы с интерпретацией деятельности Талейрана еще и как принадлежащей сфере философии обусловлены устойчивой традицией и столь же устойчивыми представлениями о том, что быть философом можно лишь будучи философом выдающимся. Но уже с античности мы можем видеть вполне законное и объяснимое именование философов представителями философских школ; минимумом является усвоение того, чему учил наставник: быть, в свою очередь, основателями новых школ или совершенно оригинальными мыслителями для получения права носить плащ философа отнюдь не требовалось. Подражательность творчества – сама по себе не критерий для отказа в праве именоваться философом. Это влияет лишь на такие более поздние параметры оценки, как «оригинальность», «новаторство» и т.п. Обязательное требование оригинальности – сравнительно недавнего происхождения, которое, кстати, навлекает на философию упреки в том, что она по сути своей является разновидностью искусства.

Качественное содержание философии, ее приоритеты также не являются критерием для окончательного определения автора как философа или «не философа». Не говоря о том, что «идеальная аморальность» Талейрана все чаще признается сильно преувеличенной (напр., [6; 7]), отстаивание им взглядов и соответствующих им эвристик, которые могут быть охарактеризованы как «циничные» (при этом под цинизмом в данном случае правильнее всего будет понимать «неприятный способ говорить правду»), не делают сами по себе их автора более или менее философом. Помимо естественного для дискурса XVIII в. риторического усиления высказываемой мысли (Талейран по стилю жизни и стилю мышления оставался человеком XVIII в., рационально вполне принявшим реалии XIX в.), скептический взгляд на мир и стратегии человеческого поведения в нем имеют право быть таковыми, это – не препятствие для философствования. Риторическое усиление, нарочитая ирония столь же позволительны, что и шокирующие акции античных киников.

Талейран оставил нам подробный и яркий очерк взглядов и эвристик, касающихся важнейших областей жизни, а также яркие стилеобразующие детали, позволяющие создать «портрет» философа, «вписанный» в его текст. Прием также не оригинальный, использованный многими, чья принадлежность к философскому цеху обычно не оспаривается. Во всяком случае, по совокупности разных причин Талейрана не пытаются отнести к определенной философской школе или традиции (в последнем случае решающими оказываются, например, жанровые особенности текстов). Между тем философский дискурс, вполне соотносящийся с тем, что дошло до нас в такой части наследия Талейрана, как его афористика, не только существует, он хронологически соответствует по меньшей мере началу творческой и личной биографии Талейрана. Речь идет о моралистической философии, наиболее ярко представленной именно французскими авторами. Если начало формирования этого дискурса относится к XVII в., то закат приходится на времена Французской революции 1789–1794 гг. (не случайно одним из поздних авторов, имя которого используется как хронологический маркер, является А. Ривароль). Но поскольку мыслить и писать в рамках определенного дискурса можно значительно дольше, если не ставить целью достижение оригинальности любой ценой, то продлить время бытования философско-моралистического дискурса можно еще на 10–20 лет. Собственно, творчество

Талейрана и побуждает к этому, при том, что никакое насилие над хронологией развертывания философского дискурса не происходит. Процесс эволюции философии недискретен, допускает многочисленные наложения, предвосхищения и, напротив, протракции [5].

Одной из особенностей философской моралистики является тесная связь с самой личностью мыслителя (начало этому положил Б. Паскаль, обаянием личности которого окрашено восприятие всех его основных текстов). В этом отношении Талейран вполне находится в духе традиции, его сжатые и емкие высказывания-афоризмы не только несут жанровые черты, присущие философско-моралистическому дискурсу, но и тесно увязываются с самой его личностью, яркой и оригинальной, хотя и более спорной в плане оценки, чем личности Паскаля или Лабрюйера. Такая «приватная философия» характерна для эпохи «философских самоучек», приходящейся в основном на XVIII в. (при том, что профессиональное образование как важнейший критерий оценки появляется в эпоху Нового времени все же позже).

При базовой функции философско-моралистического дискурса в случае Талейрана он не является единственным. С одной стороны, Талейран выступает поздним представителем жанровой традиции французских моралистов, а с другой – и это также существенно для его репутации философа, – как представитель позднего Просвещения, доводящего базовые идеи просветителей до предела и в какой-то мере совершающего аутодеструкцию через применение к себе своих же декларированных принципов. В этом смысле он может быть сопоставлен с Д. де Садом, однако если травестия идей просвещения Д. де Садом вылилась в скандал с криминальным оттенком, то подобные по сути (но иные по форме и материалу) попытки Талейрана были частично просто забыты, а частично выведены из поля философии. Возможно, это была своего рода месть, относящаяся к временам демонизации личности Талейрана, от которой уже не менее 20 лет исследователи усиленно избавляются. По положению в структуре французского Просвещения Талейран находится где-то между правым крылом (Вольтер) и центром. Отнесению его к правому крылу безоговорочно мешает его функционализм во взглядах на историю, он очень часто оказывается релятивистом, констатируя неизбежность перемен и новшеств, предлагая проявлять ум, принимая эти изменения и требуя адаптироваться к ним (известная фраза об эмигрантах, ничему не научившихся). Вольтер в этом плане был в большей мере утопистом, прежде всего это сказалось в его идиллических взглядах на просвещенную монархию. Таким образом, Талейран успешно действовал в культурных реалиях XIX в., но характерные для его личности формальные и содержательно-теоретические принципы являются протрагированным развитием XVIII в.. Мы назвали бы это, по аналогии с постпозитивизмом, постпросвещением, в корне отличающимся, например, от принципиально оппонирующего романтизма.

Мы не найдем у Талейрана развернутых антропологических построений ни в немецком (спекулятивная физиология), ни во французском (просветительский натурализм), ни в иных вариантах. Но на фоне устарелости антропологических (да в немалой степени и социально-философских) взглядов XVII–XVIII вв., эвристичность сжатых дескриптивных высказываний Талейрана практически не стареет, что говорит, как минимум, об эпистемологиче-

ской состоятельности. Собственно, родись Талейран на несколько десятилетий раньше, в вольтерьянских салонах у него была бы прочная, пусть, может быть, и несколько спорная, но заслуженная репутация философа. Позволим себе предположение, что смерть Вольтера могла помешать не только дальнейшим отношениям этих людей, но и инициации, введению Талейрана Вольтером в философское сообщество, что последний легко делал, если только хотел. Быт и повседневность занимают важное место в системе взглядов Талейрана, ему чужд аскетизм как религиозный, так и революционный. Кроме того, повседневная среда часто и была тем пространством, в котором разворачивался философский дискурс Талейрана. Для XVIII в. с его тенденцией к синтезу искусств, к энциклопедизму и синтетичности «философия в будуаре», точнее в салоне или гостиной, была настолько распространена, что образ жизни помогал понять специфику философского мышления [1]. При этом эпоха, с которой органически связаны взгляды Талейрана, характеризуется нарастающей дехристианизацией, готовившей в итоге позднейшие философские революции. Дискуссии Рассела и Витгенштейна, как и провокации Эко, готовились в салонах эпохи Просвещения (ср.: [4]).

Каковы основные черты взглядов Талейрана? По гносеологическим установкам – умеренный скептицизм, по метафизическим он близок к натурализму просветительского типа, по антрополого-праксеологическим – ярко выраженный сторонник активизма, философии действия. Цинизм же мы упоминаем лишь как риторический принцип и диктуемую им форму высказывания – «называть вещи своими именами». К сожалению, афористика Талейрана не собрана в классическое академическое издание, тексты фигурируют в разных вариантах перевода и более доступны в интернет-пространстве. Кроме того, мы надеемся пробудить читательский интерес и тем самым косвенно поспособствовать появлению издания, где афоризмы и максимы были бы подобраны не только полно, но и с академическими комментариями.

Общество видится Талейрану познаваемым, но достаточно несовершенным, хотя при грамотном управлении возможно уменьшение ряда недостатков. Большая часть обвинений в «цинизме» и аморализме была порождена именно высказываниями и поступками Талейрана в области политики (следующим по частотности поводом идет взяточничество, хотя отдельно от политики оно почти не существовало в его биографии). Следует сразу оговорить, что вслед за Макиавелли и философами-макиавеллистами Талейран выносит политику из области морали, так что классические мерки и шаблоны оказываются неприменимыми, он сразу пресекает возможность дискуссий. Если, например, в социальной диаде дружеских отношений принцип «предвидеть – не значит предать» будет глубоко аморальным, более того, экзистенциальной профанацией самих отношений, то с учетом макиавеллистской политической теории в этой области такой радикализм неприменим. Аналитически вычисляя падение Наполеона, Талейран вряд ли совершал предательство друга (они таковыми и не являлись) или благодетеля. Это был лишь партнер в пространстве политической игры, поэтому рациональное осознание проигрышности тактики Наполеона без надежды на ее исправление давали Талейрану возможность выйти из игры или поменять диспозицию. Не случайно по меньшей мере на двух карикатурах Талейран представлен игроком в шахматы. На одной он, сидя на доске гильотины, разыгрывает партию с одним из директоров, на другой же просто переставляет фигу-

ры политиков (ракурс взят рисовальщиком со спины, но завитые волосы и массивная трость не оставляют сомнений в идентификации).

Талейран – острый реалист, замечавший малейшие социальные изменения в отличие от Канта, философия которого во многом спровоцировала ту же самую Французскую революцию. Социальная жизнь рассматривается им вполне просветительно, причем в правоцентристском варианте. Совершенной эта жизнь быть не может, можно аккуратно попытаться что-то улучшить, что не только позволит большему числу людей реализовать свое право на хорошую жизнь, но и придаст социальной системе стабильность. Все, что без особой нужды уменьшает эту стабильность, относится к категории «ошибок, худших, чем преступление».

Восприятие истории Талейраном близко к просветительскому с поправкой на элитизм: кто-то является мозговым центром, кто-то управляет, кто-то, наконец, осуществляет сами действия. Талейрану не чужды восторги перед выдающимися личностями (себя он, судя по всему, тоже относит к ним), однако чистые харизматики, подобные Наполеону, ему скорее интересны, но не близки интеллектуально. Вряд ли Талейран стал бы поклонником французской романтической школы, по иронии судьбы представленной его протее – Тьером.

В сфере морального выбора и моральной деонтологии, как многие просветители, особенно «расстриги», имевшие за плечами теологическую выучку, Талейран был близок к моральному релятивизму, но, насколько мы можем судить, делал это не из протеста ницшеанского типа, а при наличии необходимости. Традиционные честность и откровенность – факторы социальной неудачи, а то и физической гибели. Впрочем, здесь за спиной Талейрана мы видим Макиавелли, Мандевиля и отчасти Монтеня. Талейран отличался рациональным и аналитическим подходом к осмыслению социальной реальности, что проявлялось и в его дипломатической деятельности, в частности геополитическая концепция «естественных границ» как наиболее надежного средства поддержания мира. Собственный ярко выраженный аналитизм не мешал ему испытывать интерес и даже определенную симпатию к Наполеону как личности харизматичной, но в целом не рациональной.

В области праксеологии Талейрана обычно представляют человеком беспринципным, использующим любые средства в зависимости от ситуации. Это не совсем так, указанная установка не универсальное правило и не императив, а эвристика, которая под давлением обстоятельств может быть применена («законы можно насиловать – они не кричат»). Праксеологически Талейран скептик (но не агностик) и прагматик, что органично вытекает из его взглядов на общество. Социальная реальность слишком мало познана, сложна и изменчива, чтобы загонять поведение человека, влияющего на нее, в узкие рамки, ограничивающие к тому же действие моралью. Глубинное неверие в общество порождает и неверие в человека, особенно если человек пытается внедриться в социальную реальность, вооружившись моралью. Осознание принципиальной неморальности социально-политического праксиса – одно из условий вхождения в социальную элиту. При рассмотрении социального активизма мы видим, как ни странно, аналогию поведения Талейрана с известной христианской притчей о двух святых, решавших, что делать с телегой, увязшей в грязи, ведь от этого зависела чистота их одежд. Талейран решился

их изрядно запачкать. В целом же Талейран не столько immoralist, сколько приверженец идеи о неуниверсальности морали.

Взгляды в сфере гендерной культуры во многом определяются салонными стереотипами XVIII в. и сочетаются у Талейрана со скептическим в общем отношении к женщине, где выдающийся интеллект – привилегия гендерная. В остальном удел женщины – дом, светская жизнь, а также и использование в прагматических целях (замолвить слово). Можно было бы предположить, что подобное использование женщин («пропускание вперед») было личной практикой Талейрана, однако закрепившись в виде афоризма, оно стало частью его философии.

Талейран преимущественно скептик и отчасти агностик в том, что касается конечных истин. Думается, это делало столь нежеланным обучение в семинарии (для подлинного верующего *causafinalis* – вещь обязательная, она задает смысл всему бытию и служению), порождало небрежное исполнение священнических обязанностей, сопротивление, которое пришлось сломить окружающим, дабы Талейран подписал покаянное послание Папе. Такое отношение к миру вполне напоминает вольтеровское просветительство. В практической сфере скепсис по отношению к истине оборачивается скепсисом по отношению к справедливости. Талейран изящно, но совершенно определенно говорит о социальных джунглях, где рассчитывать на такие основания, как справедливость, невозможно. Скепсис Талейрана предвосхищает деконструктивный нигилизм Штирнера.

Во взглядах Талейрана на элиту разные авторы подчеркивали существенно разные детали. Отчетливо выделяются три варианта:

1. Абсолютный эгоизм и стремление лишь к собственному благополучию, для чего якобы и понадобилась прорва денег, добываемая «подсластителями» (французский эвфемизм, обозначающий разного рода служебные подношения).

2. Понимание обязательного деления общества на страты с образованием элиты, отличающейся не только уровнем и образом жизни, но и особенностями интеллекта. Образ жизни иллюстрируется прекрасным примером: поздно встававший с постели Талейран принимал наиболее нетерпеливых посетителей во время утреннего туалета, длившегося не менее часа, когда присутствующие могли наблюдать за процедурой промывания носа и видеть деформированную ногу Талейрана, вызывавшую у некоторых отвращение – ситуация нормальная для XVIII в., но архаичная и странная для последующего; Талейран мог бы поменять порядок приема, но по праву элиты сохранил за собой все привычные особенности быта и этикета, при беседе с представителем элиты представления о должном и недолжном остаются в прихожей.

3. Установки Талейрана понимаются как умеренно демократичные и гедонистические (пусть хорошо живут все, кто только сможет, а уж как смогут – вопрос другой). Поэтому Талейран не симпатизировал революции по мере все большего насаждения революционного аскетизма, пример чего подавали сами «граждане из Парижа». Такой малодостижимый идеал мог быть эффективным средством предотвращения революционных взрывов, которые сами по себе были для Талейрана вещью нежелательной.

Нам видится наиболее корректной вторая точка зрения. Кроме прочего, она ясно указывает место Талейрана в философском пространстве: между Ма-

киавелли и В. Парето с его представлениями об элите как обязательной части стратифицированного общества. Скептическая установка влияет и на решение вопроса о цели и смысле бытия. Подобно Юму, Талейран опирается на наиболее ясные и непосредственно наблюдаемые феномены человеческого бытия – сензитивно-гедонистические (в своей бытовой жизни он все подчинил реализации именно такого рода целей).

Язык рассматривался Талейраном как средство манипуляции, введения других в заблуждение и, наконец, как эстетическое средство привлечения окружающих. Ведь даже пресловутые «постельные победы» Талейрана были, по отзывам некоторых, не такими уж и выдающимися, зато подкреплялись изысканным общением (типичный случай перехода реальности в дискурс, причем такой, который устраивает всех). Также известен принцип Талейрана, который он рекомендовал и другим: если хотите, чтобы масса выполнила ваше желание, то переформулируйте цель, более менять, скорее всего, просто ничего не придется. Ни о каких благородных порывах, о которых писал даже достаточно циничный Ривароль, тут нет и речи. Если что-то нужно, то используются манипулятивные средства языка. Ну а сокрытие своих мыслей при помощи разговоров для дипломата столь же естественно, что и устраивать дипломатические приемы. Интересно, что в этом плане Талейран предвосхитил теоретиков языка, дискурса и власти XX в., а также «соревновался» с А. Шопенгауэром. Разница была лишь в том, что свой огромный список ошибок и уловок риторического характера Шопенгауэр издал в виде книги. Для философской манеры Талейрана это было, как мы уже оговорились, нехарактерно.

Нередко говорят об эпикуреизме Талейрана. Это утверждение может быть принято, только если понимать под эпикуреизмом стремление к наслаждению, хотя в таком случае правильнее будет сказать «гедонист», что характеризует и аксиологию, и антропологию. Неотъемлемая часть философской антропологии Эпикура – установка «проживи незаметно». К Талейрану она, разумеется, отношения не имеет. Ограничение малым – не для него. Именно для того, чтобы иметь средства на удовольствия, он пожертвовал «незаметностью бытия». Впрочем, известность сама по себе, не исключено, приносила и моральные дивиденды, хотя характерно то, что Талейран не акцентирует этот момент в отличие от финансового – «не быть бедным».

Отчего же французская философско-моралистическая традиция, берущая начало в XVII в., заканчивается обычно Риваролем и Шамфором, а не Талейраном? Конечно, напрашивается каламбур, что если предшественники Талейрана именовались «философами-моралистами», то самого князя стоит назвать «философом-имморалистом», но нигде не оговаривается, в каком аспекте будет рассматриваться мораль такими разными авторами, как Лабрюйер, Ривароль или Шамфор. Дидактизм можно констатировать как историко-философский факт [8], но нельзя предписать, искусственно сдерживая изменения дискурса. На наш взгляд, причины просты: во-первых, активная ангажированность Талейрана в других областях деятельности, причем практических, воспринималась как «суетная», не приличествующая философу. Во-вторых, скептический, хотя при этом кристально ясный взгляд на мир, получивший классическое название «цинизм Талейрана», был сочтен недостаточно философским, хотя при этом забыли, что князь Бенвентский – далеко не первый, кто сомневается в добротности устройства этого мира и легкости (и вообще

необходимости) торжества добродетели в нем. И, наконец, третье. Талейран сам, в отличие от очень похожего на него Вольтера, не претендовал на место и звание, на «красный плащ» философа. По всей видимости, слава философа просто меньше волновала его, нежели «фернейского старца», от которого он не случайно когда-то получил философское благословение. Разные люди – разные шкалы приоритетов, тем более, последние годы Талейран был занят написанием мемуаров – своего рода не столько апологии, сколько мифологии своей деятельности политика, делом затратным по силам и времени. Надеемся, что нам удалось прояснить эту изыщную – в духе игровой культуры XVIII в. – путаницу. Философская афористика Талейрана стала маркером исчерпанности дискурса моралистической философии, что выразилось в переходе от религиозной рефлексии и морализаторства к скептически-провокативной текстовой прагматике. Подобную жанровую форму порой использовали позже Шопенгауэр, Ницше и Чоран. Но вместе с тем и афористика, и сам образ жизни Талейрана (вынужденное священство, равнодушие к религии), и обстоятельства жизни (революционные события, позднейший политический праксис) были ясными проявлениями не только исчерпания одного из философских дискурсов, но и философского и цивилизационного поворота [3, с. 167 и далее] – дехристианизации, которой суждено было стать смысловой и прагматической доминантой на многие десятилетия.

Список литературы

1. Артемьева Т.В. Русская философия 18 века как социальный феномен // Философия гуманитарного знания: российская академическая традиция и современность. СПб.: б.изд., 1997. С. 83–85.
2. Борисов С.В. Шарль-Морис Талейран. М.: Международные отношения, 1986. 320 с.
3. Губман Б.Л. Символ веры Ж. Маритена // Маритен Ж. Философ в мире. М.: Высшая школа, 1994. С. 135–176.
4. Губман Б.Л. Современная философия культуры. М.: РОССПЭН, 2005. 536 с.
5. Лебедев В.Ю. К вопросу о типологии культур и особенностях религиозного праксиса // Религия. Церковь. Общество: исследования и публикации по теологии и религии. 2013. Вып. 2. С. 39–51.
6. Лодэй Д. Талейран. Главный министр Наполеона. М.: АСТ: МОСКВА, 2009. 509 с.
7. Нечаев С. Талейран. М.: Молодая гвардия, 2013. 416 с.
8. Розум Т.Н. Жанр нравственного императива у французских писателей-моралистов XVII–XVIII вв. // Вестник Новгородского государственного университета. 2017. № 43. С. 69–71.
9. Савельева М.Ю. Мифизация культурного опыта в условиях постсовременности // Культура и культурология: тенденции и проблемы: сб. науч. тр. М.: РИК, 2002. С. 20–23.
10. Талейран Ш.-М. Жизнь без морали. Мемуары дипломата. М.: ЭКСМО, 2015. 468 с.
11. Тарле Е.В. Талейран. М.: АСТ, 2011. 352 с.

THE EVOLUTION OF PHILOSOPHICAL DISCOURSES: THE CASE OF TALLEYRAND

V. Yu. Lebedev

Tver State University, Tver

The article examines two main interconnected questions: the correlation of evolving philosophical discourses, in particular, non-discrete change of their textual and genre characteristics and chronological borders on the example of the French moralistic philosophy and philosophy of the Enlightenment, and also specific features of the 18th century France philosophical thinking that partly found their continuation in the 19th century. These genre and substantial features are definitely revealed in Sh.-M. de Talleyrand creative heritage that is not traditionally considered in the history of philosophy perspective. Talleyrand may be interpreted as a typical figure of "saloon philosophy" and philosophical-moralistic aphoristics expressing Enlightenment and post-Enlightenment philosophical principles.

Keywords: *skepticism, realism, immorality, philosophical morality, Enlightenment, cynicism.*

Об авторе:

ЛЕБЕДЕВ Владимир Юрьевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теологии Института педагогического образования и социальных технологий, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: semion.religare@yandex.ru

Author information:

LEBEDEV Vladimir Yurievich – PhD, Professor of Dept. of theology, Institute of pedagogical education and social technologies, Tver State University, Tver. E-mail: semion.religare@yandex.ru